„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ“ Н. В. ВОДОВОЗОВА [1]).

Замѣтка.

(1897 г.).

Н. В. Шелгуновъ въ послѣднемъ изъ своихъ „Очерковъ русской жизни“, напечатанномъ уже послѣ его смерти, отмѣтилъ нарожденіе въ Петербургѣ „молодежи будущаго“. У этой молодежи—писалъ онъ—„замѣчается одна умственная особенность, которой нѣтъ совсѣмъ у восьмидесятниковъ. Восьмидесятники думали изъ себя.. Они мало учились, мало читали и, растерявшись въ заключеніяхъ и выводахъ, остановились на идеѣ общественнаго индефферентизма... Теперешняя молодежъ начинаетъ... съ изученія тѣхъ общественныхъ фактовъ, изъ которыхъ, какъ логическій выводъ, должно послѣдовать уже само собой—что дѣлать? Теперь въ Петербургѣ очень распространяется самообразованіе и спокойное, серьезное научное изученіе общественныхъ вопросовъ... Движеніе это пока возникающее и вполнѣ оно еще не организовалось“ [2]).

Въ томъ движеніи молодежи („девятидесятниковъ“), на которое указывалъ Шелгуновъ наканунѣ смерти, видное участіе при-

---

[1]) Изданіе М. И Водовозовой Москва, 1897, 218 стр. Содержаніе: I Ученіе Мальтуса о народонаселеніи. II. Рабочее движеніе въ Бельгіи. III. Къ исторіи идей и партій въ Соед. Штатахъ IV Экономическія идеи французскихъ католиковъ

[2]) „Очерки русской жизни“, стр. 1093—1094 изданія О Н Поповой (Спб., 1895) Я очень живо помню сильное впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ насъ, петербургскихъ студентовъ, захваченныхъ самообразовательнымъ движеніемъ, этимъ очеркомъ,—добрымъ словомъ, сказаннымъ намъ старымъ публицистомъ, человѣкомъ 60-хъ гг, какъ бы уже изъ могилы.

нималъ покойный авторъ „Экономическихъ Этюдовъ“, представленіе о серьезно изучающей молодежи было навѣяно на Н В Шелгунова, быть можетъ, отчасти и личными столкновеніями съ его молодымъ тезкой

Пишущій эти строки такъ же, какъ авторъ статьи о Водовозовѣ, помѣщенной въ іюньской книжкѣ „Новаго слова“ лично зналъ покойнаго, и потому его сужденія объ „Экономическихъ Этюдахъ“ вполнѣ естественно и неизбѣжно будутъ дополняться личными впечатлѣніями, полученными отъ духовной физіономіи автора. Эта оговорка казалась мнѣ необходимой.

Когда я нашелъ выписанное выше мѣсто объ изучающей и читающей молодежи 90-хъ гг. и затѣмъ сталъ далѣе перелистывать и перечитывать „Очерки русской жизни“, то мнѣ сама собой пришла въ голову мысль о значительномъ умственномъ сходствѣ между Шелгуновымъ и Водовозовымъ.

Оба были публицистами — по призванію и свойствамъ ума—и оба были публицистами-раціоналистами. У обоихъ были извѣстная сухость и отсутствовалъ лиризмъ.

Но Водовозовъ былъ публицистомъ только потенціальнымъ по своему общему умственному облику; онъ не напечаталъ, насколько я знаю, ни одной публицистической вещи. Такимъ образомъ, если возстановлять цѣльную умственную физіономію покойнаго Н. В по его писаніямъ, то приходится въ значительной мѣрѣ итти путемъ—я бы сказалъ отрицательнымъ, судить о писателѣ не столько по тому, что есть въ его литературныхъ произведеніяхъ, сколько по тому, чего въ нихъ нѣтъ. Разсматривая напечатанныя произведенія Водовозова такимъ, нѣсколько необычнымъ способомъ, я и пришелъ къ формулированной выше характеристикѣ, сближающей Водовозова съ Шелгуновымъ.

Публицистъ-раціоналистъ Водовозовъ ставитъ вопросъ, прежде всего, о разумности явленій и справедливости взглядовъ. Реальный генезисъ фактовъ и порождаемыхъ ими воззрѣній его не интересуетъ. Онъ написалъ цѣлую, правда, маленькую, но въ данныхъ рамкахъ вполнѣ исчерпывающую предметъ книжку о Мальтусѣ [1]) и совсѣмъ обошелъ вопросъ о классовомъ происхожденіи и характерѣ идей, вліятельнымъ проповѣдникомъ которыхъ являлся авторъ „Опыта о замѣнѣ народонаселенія“. Стремленіе Мальтуса „возложить на одни рабочіе классы расплату

[1]) Біографія Мальтуса въ Павленковской библіотекѣ

за избыточное населеніе“ представлялось ему „публицистическимъ увлеченіемъ“ (Этюды, стр. 72), словомъ, специфически классовый цвѣтъ идей Мальтуса былъ для него „результатомъ внесенія фальшиваго .. публицистическаго элемента“ (Біографія Мальтуса, стр 93). Гораздо больше чутья къ этой сторонѣ доктрины Мальтуса проявилъ, напр., Нитти, на котораго Водовозовъ часто ссылается, но изъ книги котораго онъ, къ сожалѣнію, не приводитъ мѣстъ, ставящихъ ученія о населеніи вообще и Мальтусово въ частности въ связь съ экономическими условіями и реальными общественными отношеніями историческаго момента. Абстрактная и чисто идеалистическая постановка вопроса сказывается у Водовозова въ утвержденіи, что „вопросъ о народонаселеніи изъемлется Мальтусомъ изъ сферы государственнаго воздѣйствія, изъ сферы политики“ (Біографія, стр. 50—51). Это невѣрно, во 1-хъ, потому, что государственное невмѣшательство, за которое стоялъ Мальтусъ, есть лишь особая форма государственнаго воздѣйствія“; во 2-хъ, потому, что „политика“, т. е. классовые интересы и, въ качествѣ ихъ выраженія, извѣстные принципы экономической политики были движущей силой ученія Мальтуса и причиной его успѣха среди современнаго ему „общества“. Вполнѣ опредѣленныя указанія на это встрѣчаются даже у такихъ, совершенно чуждыхъ марксизма, писателей, какъ Генри Джорджъ; кто не знаетъ далѣе, что ученіе Мальтуса воплотилось въ англійскомъ законодательствѣ о бѣдныхъ?

Несмотря на указанный кардинальный недостатокъ, очеркъ „Ученіе Мальтуса о народонаселеніи“, вошедшій въ „Этюды“, на мой взглядъ, является чрезвычайно кстати въ русской литературѣ и, сказать правду, кстати—именно въ силу своего рѣзко выраженнаго мальтузіанскаго характера. Врядъ ли этюдъ Водовозова переубѣдитъ тѣхъ, кто отвергаетъ ученіе знаменитаго англійскаго экономиста, врядъ ли онъ дастъ сознательнымъ и освѣдомленнымъ сторонникамъ этого ученія новые аргументы, но передъ широкой публикой весьма важно было раскрыть всю сложность и трудность той научной проблемы, которая объемлется словами „ученіе Мальтуса“. Это назначеніе статья Водовозова выполняетъ удовлетворительно. Внимательное отношеніе къ вопросу о населеніи и росту его, какъ фактору экономической эволюціи, имѣетъ огромное и практическое, и теоретическое значеніе. Укажемъ хотя бы на то, что каждой исторически

опредѣленной системѣ хозяйства соотвѣтствуетъ извѣстная степень емкости по отношенію къ населенію, и что перенаселеніе является могущественнымъ факторомъ измѣненія хозяйственныхъ системъ Съ другой стороны, новые способы производства не только вынуждаются ростомъ населенія, но и въ сильнѣйшей степени содѣйствуютъ ему. Безъ развитія капитализма огромный ростъ населенія Европы въ XVIII и XIX вѣкѣ не былъ бы вовсе мыслимъ Быть можетъ, для капитализма это абсолютное возрастаніе населенія гораздо характернѣе, чѣмъ то относительно-избыточное населеніе, на которое съ такой силой и съ такимъ удивительнымъ талантомъ указалъ Марксъ. На постановку вопроса у Маркса, внѣ всякаго сомнѣнія, опредѣляющимъ образомъ повліяла теорія Мальтуса, которая—какъ это неоднократно и вполнѣ справедливо указывалось—въ примѣненіи къ современной Мальтусу дѣйствительности и, по своему основному смыслу, была не столько теоріей населенія, сколько теоріей бѣдности. Марксова теорія относительнаго перенаселенія въ капиталистическомъ обществѣ тоже есть, на мой взглядъ, гораздо болѣе теорія бѣдности, чѣмъ теорія населенія и его роста при капиталистическомъ хозяйствѣ. Ни абстрактной, ни выведенной изъ наблюденія историческихъ фактовъ теоріи населенія при опредѣленномъ хозяйственномъ (въ данномъ случаѣ капиталистическомъ) строѣ у Маркса нѣтъ (я знаю, что самъ Марксъ и большинство его послѣдователей смотрятъ иначе на теорію капиталистическаго перенаселенія, изложенную въ I томѣ „Капитала“). Между тѣмъ у Мальтуса рядомъ съ теоріей бѣдности есть цѣлая теорія населенія, всеобъемлющая и, въ качествѣ таковой, весьма абстрактная. Ошибка Мальтуса — въ этомъ, конечно, Марксъ безусловно правъ—и заключается именно въ томъ, что чрезвычайно абстрактная теорія населенія слишкомъ просто объясняетъ у него сложныя конкретныя явленія исторически опредѣленнаго общественнаго порядка. Но несостоятельность теоріи бѣдности Мальтуса сама по себѣ не доказываетъ полной несостоятельности его теоріи населенія.

Водовозовъ совершенно правильно видитъ ея сущность въ трехъ законахъ, формулированныхъ въ главѣ II „Опыта“ [1]), и въ положеніи, гласящемъ, что населеніе всегда имѣетъ тенденцію въ

[1]) 1) Народонаселеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія

2) Народонаселеніе неизмѣнно размножается всюду, гдѣ возрастаютъ

своемъ ростѣ опережать увеличеніе средствъ существованія. Часто говорятъ, что первый законъ Мальтуса представляетъ просто банальность, и что пресловутая тенденція никогда не была доказана. Послѣднее вѣрно въ томъ смыслѣ, что „тенденція“, въ качествѣ общаго закона, не была никогда установлена. Даже болѣе того: можно относительно извѣстныхъ историческихъ періодовъ странъ съ полнымъ правомъ утверждать противоположную тенденцію. Точно также второй законъ не можетъ считаться общимъ и безусловнымъ: новѣйшая исторія французскаго населенія, напр., совершенно ему не соотвѣтствуетъ. Первый законъ, который прослылъ банальностью, самъ Мальтусъ считалъ очевиднымъ, не нуждающимся ни въ какихъ доказательствахъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы это положеніе было банально. Водовозовъ совершенно правильно указываетъ, что ученіе Мальтуса шло въ разрѣзъ съ господствующими идеями и практически-политическими принципами XVIII вѣка; въ свое время оно, выставленное съ такимъ удареніемъ и съ такой аподиктичностью, развиваемое съ такимъ упорствомъ, было въ дѣйствительности не банальностью, а новымъ словомъ. „О зависимости роста населенія отъ количества необходимаго пропитанія писали до Мальтуса и въ Англіи, и на континентѣ, но... господствующимъ въ теченіе всего XVIII вѣка являлось противоположное мнѣніе, по которому были бы люди, а пропитаніе для нихъ найдется, откуда выводилось практическое требованіе искусственнаго покровительства увеличенію народонаселенія. Появляется книга Мальтуса—и положеніе дѣлъ рѣзко мѣняется“. (Біографія, стр. 45). Извѣстно также, что до сихъ поръ находятся экономисты, подобно Джорджу, утверждающіе, что „чѣмъ больше населенія, тѣмъ выше благосостояніе каждой отдѣльной личности“ [2]). Кромѣ того, въ ученіи Мальтуса важна тенденція, заставляющая постоянно считаться съ тѣмъ могущественнымъ факторомъ, который представляетъ населеніе и его ростъ.

Чтобы покончить съ работами Водовозова о Мальтусѣ, отмѣчу

средства существованія, если только не будетъ остановлено какими-либо чрезвычайными и явными препятствіями

3) Эти исключительныя препятствія и всѣ тѣ, которыя, останавливая силу размноженія, возвращаютъ населеніе къ уровню средствъ существованія, могутъ быть приведены къ слѣдующимъ тремъ видамъ. нравственному обузданію, пороку и несчастію („Опытъ“. русск пер Бибикова Спб, 1868, т. I, стр. 113)

[1]) Джорджъ, правда, прибавляетъ: „при справедливомъ распредѣленіи благъ“.

еще невѣрное и совершенно произвольное причисленіе имъ Мальтуса къ экономическимъ матеріалистамъ (Біографія Мальтуса, стр 82 –84, и „Этюды", стр. 71—72). Такихъ „экономическихъ матеріалистовъ", какъ Мальтусъ, можно было бы назвать цѣлыя сотни Въ сущности тѣ заявленія автора „Опыта о законѣ народонаселенія", въ которыхъ Водовозовъ видитъ экономическій матеріализмъ сводятся къ многочисленнымъ варіаціямъ на мотивъ, выраженный въ первомъ законѣ: народонаселеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія Такого рода экономическій матеріализмъ исповѣдывалъ, между прочимъ, одинъ знаменитый современникъ Мальтуса, поэтъ и философъ-идеалистъ Фридрихъ Шиллеръ, написавшій:

So übt Natur die Mutterpflicht

Einstweilen, bis den Bau der Welt
Philosophie zusammenhalt.
Erhalt sie das Getriebe
Durch Hunger und durch Liebe.

Вторая крупная статья посмертнаго сборника „Экономическія идеи французскихъ католиковъ" представляетъ выдающійся интересъ. И тутъ также въ полной мѣрѣ сказалась раціоналистическиэтическая складка автора. Реальные общественные корни католическаго соціализма не изслѣдуются Водовозовымъ. Поражаетъ въ статьѣ Водовозова также отношеніе его къ энцикликѣ „Rerum novarum" Льва XIII Онъ видитъ въ этомъ произведеніи, не заключающемъ въ себѣ ничего такого, чего нельзя было бы найти въ любой катедерсоціалистической брошюркѣ, „нѣсколько ясно выраженныхъ, плодотворныхъ и вполнѣ прогрессивныхъ идей, особенно знаменательныхъ въ устахъ главы католической церкви". Водовозовъ вообще—и въ этомъ выражался абстрактный и, я бы сказалъ, моралистическій складъ его ума—мало придавалъ значенія тому, кто защищаетъ или высказываетъ извѣстныя идеи, которыя онъ считалъ вѣрными или справедливыми, кто —не въ личномъ, а въ соціологическомъ смыслѣ. Я помню въ 1890 г у насъ на улицѣ—я только что вернулся тогда изъ лѣтняго, обильнаго новыми и сильными впечатлѣніями, путешествія по Германіи—зашелъ разговоръ о соціальной политикѣ и реформаторскихъ планахъ Вильгельма II. Водовозовъ придавалъ имъ значеніе и не соглашался со мной, для котораго уже тогда (а теперь и подавно) вопросъ о значеніи факта и идеи такъ называемой „соціальной монархіи" (das soziale Königthum) былъ безповоротно рѣшенъ въ

отрицательномъ смыслѣ Водовозовъ бралъ идею соціальной реформы отвлеченно отъ творящихъ ее реальныхъ общественныхъ силъ. Вотъ почему католическій соціализмъ для него, главнымъ образомъ,—своеобразное идейное движеніе въ пользу соціальной реформы, а не специфическая форма предохранительной реакціи европейской буржуазіи и отчасти обломковъ европейскаго феодализма противъ растущаго рабочаго движенія. Этой реальной подкладки католическаго соціализма Водовозовъ не видитъ. Какъ моралистъ, онъ увлекается словами де-Мена: „пойдемте въ народъ, господа, вотъ дѣло будущаго вѣка. Пойдемте въ народъ, оставимъ избитые пути, которыми пользуются всѣ политическія условности и свѣтскіе предразсудки и т. д.“ (Этюды, стр. 203)—и говоритъ: „вся сущность соціальнаго католицизма въ этихъ словахъ, соціальнаго католицизма съ его благородными порывами, съ его моральной подкладкой и нѣкоторой неопытностью въ экономическихъ вопросахъ, съ его вѣрою въ великое, почти рѣшающее значеніе индивидуальной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ съ его смѣлостью, не останавливающейся ни передъ какими разрывами, ни передъ какими выводами“. Примѣняя собственныя слова покойнаго Н. В. къ нему самому, мы съ полнымъ правомъ, кажется, можемъ сказать, что въ этомъ сужденіи о католическомъ соціализмѣ весь Водовозовъ, со своей „этической подоплекой“ и абстрактнымъ раціонализмомъ. Какъ характерно указаніе на „нѣкоторую неопытность въ экономическихъ вопросахъ“ соціальнаго католицизма! Вѣдь „неопытность“ приписывается здѣсь цѣлому общественному направленію, порожденному извѣстнымъ общественнымъ движеніемъ.

Еще одно характерное мѣсто: „трудовая теорія цѣнности со всѣми ея выводами находитъ себѣ полное признаніе среди послѣдователей графа де-Мёна, а, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, весь современный процессъ производства, основанный на отдѣленіи рабочихъ рукъ отъ капитала и на непропорціональномъ труду вознагражденіи производителей,—получаетъ въ ихъ сочиненіяхъ полное осужденіе“ („Этюды“ стр. 194). Такое этическое пониманіе и толкованіе „трудовой теоріи“, кстати сказать, весьма распространенное, конечно, совершенно не соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія Маркса[1]), но оно вполнѣ гармонируетъ съ общимъ складомъ воззрѣній покойнаго автора „Экономическихъ этюдовъ“.

[1]) Это превосходно и, такъ сказать, аутентически разъяснено Энгельсомъ въ предисловіи къ нѣмецкому переводу „Misère de la philosophie“

Несмотря на указанный общій и крупный недостатокъ „Этюдовъ"—отсутствіе послѣдовательно проведенной реалистической точки зрѣнія на общественную эволюцію и всплывающія въ ней идеи, очеркъ Водовозова о католическомъ соціализмѣ, представляющій—насколько мнѣ извѣстно—единственную русскую работу на эту любопытную тему, является весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей экономической литературы.

Я сказалъ выше, что Водовозовъ по своему умственному облику былъ публицистомъ, и въ то же время отмѣтилъ въ его писаніяхъ извѣстную сухость и отсутствіе лиризма. Въ этомъ отношеніи литературныя дѣтища очень мало похожи на ихъ живого отца—человѣка. У этого послѣдняго былъ жаръ и чрезвычайно сильное непосредственное чувство, окрашенное вполнѣ опредѣленнымъ общественнымъ цвѣтомъ. Онъ сильно любилъ и сильно ненавидѣлъ, и жаль, что въ его писаніяхъ за разсужденіями совершенно не замѣчается этихъ живыхъ и сильныхъ общественныхъ чувствъ.

Еще объ одномъ нельзя не пожалѣть: друзьямъ Н. В. извѣстенъ и памятенъ чрезвычайно содержательный анализъ сочиненій Д. И. Писарева со стороны ихъ экономическаго содержанія, вышедшій изъ-подъ пера покойнаго автора „Этюдовъ". Къ сожалѣнію, эта интересная и весьма удавшаяся статья не могла войти въ разбираемый сборникъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить прекрасный, удивительно, пожалуй, даже слишкомъ гладкій языкъ, которымъ писалъ покойный Н. В. Среди современныхъ авторовъ, пишущихъ отмѣнно плохо, тяжело, тягуче, и порой прямо малограмотно, изящный стилистъ Водовозовъ производитъ впечатлѣніе настоящаго писателя хорошей школы, вродѣ людей 40-хъ и 60-хъ годовъ. Это формальное достоинство, въ связи съ ясностью мысли и аргументаціи, богатствомъ фактическихъ данныхъ и бодрымъ прогрессивнымъ духомъ, вѣющимъ со страницъ „Экономическихъ Этюдовъ", дѣлаютъ эту книгу прекраснымъ чтеніемъ для каждаго образованнаго человѣка. Мы не сомнѣваемся въ ея успѣхѣ. Приложенный къ „Этюдамъ" портретъ изумительнаго сходства познакомитъ посторонпихъ читателей съ привлекательнымъ, одухотвореннымъ внѣшнимъ обликомъ покойнаго, а у знавшихъ его еще разъ пробудитъ горькое чувство скорби о безвременно похищенномъ смертью человѣкѣ.